

А. М. Сточик, М. А. Пальцев, С. Н. Затравкин, Л. Е. Горелова

ПОДГОТОВКА УНИВЕРСИТЕТСКОГО УСТАВА 1863 г. Сообщение 1. Начало работы по подготовке устава 1863 г.

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН, Москва

В литературе, посвященной истории медицинского факультета Московского университета, о подготовке университетского устава 1863 г. не говорится ни слова. Для исследователей, по-видимому, оказалось достаточным того факта, что основной причиной смены прежнего общероссийского устава (1835 г.) послужили политические мотивы, и поэтому все внимание они сконцентрировали исключительно на вопросах введения нового университетского устава в действие¹. Такая позиция отечественных историков медицины вызывает по меньшей мере удивление.

Напомним, что в 40-х годах XIX века в России развернулась крупномасштабная реформа высшего медицинского образования². Были высказаны, а главное, апробированы принципиально новые идеи по организации системы университетской подготовки врачей с правом на самостоятельную врачебную практику. Опытными полигонами начавшейся реформы выступили медицинские факультеты Киевского и Московского университетов. Для Киевского университета в 1842 г. был подготовлен специальный устав, представлявший собой попытку переноса на русскую почву немецкой модели построения высшей медицинской школы³. Для Московского университета разработан "Дополнительное постановление о медицинском факультете Императорского Московского университета" (1845 г.), которое предусматривало внедрение оригинальной национальной системы подготовки врачей, основывавшейся на идее этапности клинического преподавания⁴. При этом медицинские факультеты других российских университетов (Казань, Харьков) продолжали работать в соответствии с положениями общероссийского устава 1835 г.

Таким образом, в конце 40-х — начале 50-х годов XIX века в России не только отсутствовал единый стандарт врачебного образования, но и остро стояла проблема выбора пути дальнейшего развития отечественной высшей медицинской школы. Время принятия окончательных решений было отложено на период подготовки нового общероссийского университетского устава, который, таким образом, может по праву считаться одним из переломных периодов в истории российского высшего медицинского образования.

Настоящая публикация представляет собой первую в исто-

рико-медицинской литературе попытку воссоздания истории подготовки устава 1863 г. и посвящена главным образом фактографии основных событий, развернувшихся вокруг разработки раздела о медицинском факультете этого устава.

Работа над новым "Общим Уставом Императорских Российских университетов" началась весной 1858 г. Ее инициатором выступил министр народного просвещения А. С. Норов, отдавший распоряжение попечителю С.-Петербургского учебного округа князю Г. А. Щербатову составить подробный проект устава вверенного ему университета и после обсуждения этого документа Советом "препроводить оный" на рассмотрение профессоров Московского университета⁵.

Затребованный министром "проект нового устава" был доставлен в Москву в октябре 1858 г., и уже в ноябре специальный комитет, составленный из наиболее авторитетных профессоров Московского университета, приступил к анализу поступивших из С.-Петербурга документов⁶. Медицинский факультет делегировал в состав этого комитета, получившего название "Комитет для обсуждения проекта Нового устава С.-Петербургского университета", ординарных профессоров Ф. И. Иноземцева, А. И. Полунина и Н. Б. Анке⁷, которые поначалу остались без работы, поскольку Совет С.-Петербургского университета не считал для себя возможным высказывать в проекте какие-либо соображения в отношении медицинского факультета. Профессора Московского университета с пониманием отнеслись к позиции своих петербургских коллег, однако анализировать проект нового устава, в котором медицинский факультет даже не упоминался, отказались, поручив Совету медицинского факультета срочно сделать "необходимые прибавления".

Представление на имя ректора Московского университета "О сделанных прибавлениях, относящихся к медицинскому факультету, для внесения их в новый Устав" поступило 27 марта 1859 г.⁸ и представляло собой несколько измененный вариант "Дополнительного постановления о медицинском факультете Императорского Московского университета" 1845 г. (см. таблицу). Основные пожелания Совета медицинского факультета Московского университета сводились к тому, чтобы при сохранении идеологии "Дополнительного постановления..." организовать на факультете 5 новых кафедр:

- 1) оперативная хирургия с хирургической анатомией и десмургией;
- 2) офтальмиатрия, глазная госпитальная клиника и поликлиника;
- 3) наука о детских болезнях, детская клиника и поликлиника;
- 4) патологическая физиология, общая терапия, энциклопедия, методология, история и литература медицины;
- 5) медицинская химия, фармакогнозия и фармация⁹.

Предложенная московскими профессорами реорганизация учебного процесса не предполагала введения преподавания новых учебных предметов. Все перечисленные выше дисциплины давно стали неотъемлемой составной частью учебного плана медицинского факультета Московского университета, однако преподавались в рамках других курсов и кафедр, что, по мнению московских профессоров, значительно снижало эффективность обучения.

Неудовлетворенность существовавшим положением дел возникла у профессоров медицинского факультета Московского университета задолго до рассматриваемых событий. Еще в первой половине 50-х годов XIX века они неоднократно ставили вопрос о необходимости внесения некоторых из приведенных

¹См., например: Страшун И. Д. 175 лет. // 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 27—35; Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова // Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 24—25; Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955. — С. 113—114; Изуткин Д. А., Тамарин Ю. А., Камаев И. А. История высшего медицинского образования в России. — Нижний Новгород, 1997. — С. 38—40.

²Сточик А. М., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е., Сточик А. А. Предыстория подготовки "Дополнительного постановления о медицинском факультете Императорского Московского университета" // Пробл. соц. гиг., здравоохран. и истории мед. — 1999. — № 4. — С. 50—54.

³Сточик А. М., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е., Игнатъев В. Г. Подготовка и введение в действие устава Университета св. Владимира (Киев) 1842 г. // Пробл. соц. гиг., здравоохран. и истории мед. — 2002. — № 2. — С. 48—51; № 3. — С. 54—57.

⁴Сточик А. М., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е., Игнатъев В. Г. Из истории подготовки "Дополнительного постановления о медицинском факультете Императорского Московского университета" (1845 г.) // Пробл. соц. гиг., здравоохран. и истории мед. — 2002. — № 4. — С. 61—64.

⁵ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 2280 а, л. 1—2.

⁶Там же, л. 7—7 об.

⁷Там же, л. 7 об.

⁸ЦИАМ, ф. 418, оп. 366, д. 97, л. 1—2.

⁹Там же, л. 3—13.

Распределение учебных дисциплин по кафедрам

Общий устав императорских российских университетов (1835 г.)	Дополнительное постановление о медицинском факультете Московского университета (1845 г.)	Проект Совета Московского университета (1859 г.)	Проект комиссии фон Брадке
<p>1. Анатомия: а) анатомия человеческого тела, с присовокуплением специальной физиологии и важнейших статей из сравнительной анатомии; б) анатомия патологическая; в) рассечение трупов</p> <p>2. Физиология: а) физиология общая; б) общая патология</p> <p>3. Врачебное веществословие: а) общая терапия; б) врачебное веществословие, токсикология и изъяснение минеральных вод; в) фармация; г) рецептура; д) диететика или гигиена</p> <p>4. Клиника: а) частная патология и терапия; б) клиника в больнице</p> <p>5. Семиотика</p> <p>6. Хирургия умозрительная</p> <p>7. Хирургия операционная, глазных болезней и хирургическая клиника</p> <p>8. Повивальное искусство: а) повивальное искусство; б) о женских и детских болезнях; в) способ прививания оспы; г) помощь родильницам и лечение их и новорожденных</p> <p>9. Судебная медицина: а) судебная медицина, медицинская полиция, способ лечить смертные обмороки, утопших и пр.; б) история и литература медицины</p> <p>10. Скотолечение</p>	<p>1. Анатомия физиологическая с микрографией</p> <p>2. Патологическая анатомия с патологической физиологией</p> <p>3. Физиология здорового человека</p> <p>4. Общая терапия и врачебное веществословие с необходимыми указаниями на токсикологию, изложением минеральных вод и рецептурой</p> <p>5. Частная терапия в полном объеме</p> <p>6. Терапевтическая факультетская клиника с семиотикой</p> <p>7. Терапевтическая госпитальная клиника</p> <p>8. Теоретическая хирургия с офталмиотрией</p> <p>9. Оперативная хирургия с хирургической анатомией, учением о повязках и хирургической факультетской клиникой</p> <p>10. Хирургическая госпитальная клиника</p> <p>11. Акушерство теоретическое и практическое, изложение женских и детских болезней, акушерская клиника</p> <p>12. Государственные врачеведения, которые составляют: а) судебная медицина, б) медицинская полиция с гигиеной, в) врачебное законоведение, г) ветеринарная полиция с эпизоотическими болезнями</p>	<p>1. Анатомия здорового человека с гистологией</p> <p>2. Патологическая анатомия с гистологией (теоретическое изложение предметов и исследование трупов в госпитальных клиниках)</p> <p>3. Физиология здорового человека и сравнительная анатомия</p> <p>4. Патологическая физиология, общая терапия, энциклопедия, методология, история и литература медицины</p> <p>5. Фармакология, токсикология, рецептура</p> <p>6. Химия, фармакогнозия и фармация</p> <p>7. Частная патология и терапия с психиатрией</p> <p>8. Терапевтическая факультетская клиника. Поликлиника. Семиотика</p> <p>9. Терапевтическая госпитальная клиника</p> <p>10. Теоретическая хирургия</p> <p>11. Оперативная хирургия с хирургической анатомией, десмургия</p> <p>12. Хирургическая факультетская клиника, поликлиника, семиотика</p> <p>13. Хирургическая госпитальная клиника</p> <p>14. Офтальмиатрия, глазная госпитальная клиника и поликлиника</p> <p>15. Акушерство. Наука о женских болезнях. Акушерская клиника и поликлиника.</p> <p>16. Наука о детских болезнях. Детская клиника и поликлиника</p> <p>17. Судебная медицина. Медицинская полиция. Гигиена. Русское врачебное законоведение. Ветеринарная полиция и эпизоотические болезни</p>	<p>1. Анатомия: а) частная и общая б) микроскопическая</p> <p>2. Патология: а) общая патология б) патологическая анатомия</p> <p>3. Физиология: а) общая и частная б) эмбриология</p> <p>4. Фармакогнозия и фармация</p> <p>5. Общая терапия и фармакология: а) общая терапия б) фармакология в) рецептура г) диететика и гигиена д) токсикология е) учение о минеральных водах</p> <p>6. Частная терапия и психиатрия</p> <p>7. Терапевтическая клиника и семиотика</p> <p>8. Теоретическая хирургия</p> <p>9. Оперативная хирургия: а) оперативная хирургия, б) учение о повязках, в) хирургическая клиника, г) хирургическая анатомия</p> <p>10. Офтальмология и офтальмологическая клиника</p> <p>11. Акушерство и учение о женских и детских болезнях: а) акушерство, б) акушерская клиника, в) женские болезни, г) детские болезни</p> <p>12. Судебная медицина. Медицинская полиция и история медицины. Ветеринарная полиция и учение о эпизоотических болезнях</p>

выше корректив в сложившийся в рамках действия "Дополнительного постановления..." учебный план медицинского факультета.

Первым это сделал проф. Ф. И. Иноземцев, направив 19 января 1851 г. в Совет медицинского факультета "Мнение о некоторых затруднениях относительно преподавания и тех предметах, кои необходимо должны совершиться по кафедре практической хирургии". В "Мнении" обращалось внимание на чрезмерную загруженность профессора и адъюнкта, которым приходилось преподавать "весьма многочисленные и обширные предметы", и предлагался безболезненный выход из этой ситуации — организация отдельной кафедры для преподавания оперативной хирургии, хирургической анатомии и десмургии. "Этим только средством, — отмечал Ф. И. Иноземцев, — можно дать время и возможности профессору и его адъюнкту заниматься в особенности клиническим учением и исполнять и без того весьма трудные обязанности по кафедре практической хирургии"¹⁰. Думается, нет особой нужды говорить о том, что инициатива Ф. И. Иноземцева осталась без каких-либо последствий.

В 1852 г. профессор Московского университета высказали пожелание относительно организации самостоятельной кафедры медицинской химии, фармации и фармакогнозии. Напомним, что на протяжении первой половины XIX века фармация и фармакогнозия преподавались на медицинском факультете Московского университета ординарным профессором врачебного веществословия в рамках одноименной кафедры. Однако

в соответствии с "Дополнительным постановлением..." эта кафедра была ликвидирована, а преподавание фармации и фармакогнозии было передано университетскому аптекарию. Московские профессора возражали против такого решения еще на стадии подготовки "Дополнительного постановления...", но не преубедить членов Временного медицинского комитета не смогли.

В поданном в марте 1852 г. на рассмотрение Совета "Мнение ... о необходимости иметь профессора фармации, фармакогнозии и медицинской химии" декан медицинского факультета прямо заявил, что "преподавателем фармации должен быть доктор медицины, а не аптекарь, т. к. факультетский преподаватель не может стоять в образовании ниже своих слушателей". А поскольку, говорилось далее в документе, "преподаватель фармации излагает значительную часть медицинской химии" и обязательно должен быть не только доктором медицины, но и "ученым химиком", то "и удобоисполнимо и весьма выгодно соединение фармации и фармакогнозии с медицинской химией"¹¹. Тогда, в 1852 г. против идеи профессором медицинского факультета Московского университета выступил министр народного просвещения П. А. Ширинский-Шихматов, заявивший, что, по его мнению, "соединение медицинской химии и фармации в одной профессуре большое и едва ли преодолимое затруднение по обширности и разнородности познаний, которыми обладать должен профессор обеих частей"¹². Невзирая на негативный от-

¹⁰ЦИАМ, ф. 418, оп. 358, д. 1, л. 9—12.

¹¹ЦИАМ, ф. 418, оп. 358, д. 1, л. 81—81об.

¹²Там же, л. 55—57.

вет министра, московские профессора спустя несколько лет еще дважды поднимали этот вопрос, но добиться положительного решения не смогли.

Также безрезультатно завершились и попытки добиться организации других упоминавшихся выше кафедр. При этом следует отметить, что в решении проблемы кафедры и клиники детских болезней не помогло даже вмешательство министра народного просвещения. В частности, на заседании Правления Московского университета, состоявшемся 10 сентября 1855 г. под его председательством, министр прямо заявил, что "... на детские болезни и их изучение у нас мало обращают внимания..." и дал поручение медицинскому факультету составить краткий проект организации детской клиники.

Профессора Московского университета быстро справились с поставленной задачей, и уже 26 апреля 1856 г. министр получил "Проект учреждения детской клиники при медицинском факультете Императорского Московского университета", предусматривавший развертывание 20-кочной клиники под управлением профессора кафедры акушерства. Однако после консультаций со специалистами А. С. Норов отверг предложение профессоров Московского университета, объяснив, что "устройство 20 кроватей недостаточно для практического изучения детских болезней". Одновременно министр попросил Совет Московского университета рассмотреть предложение главного врача Московской детской больницы А. С. Кроенберга об организации кафедры и 100-кочной клиники детских болезней на базе возглавляемого им лечебного учреждения. Профессора Московского университета выполнили и это поручение, однако никакого решения принято не было, и к 1859 г. проблема развертывания кафедры и клиники детских болезней оказалась на той же стадии разрешения, что и другие инициативы московских профессоров¹³.

Пожелания Совета медицинского факультета, высказанные 27 марта 1859 г. в представлении на имя ректора Московского университета "О сделанных прибавлениях, относящихся к медицинскому факультету, для внесения их в новый Устав", встретили полную и безоговорочную поддержку со стороны как Комитета для обсуждения проекта нового устава С.-Петербургского университета, так и Совета университета и были включены в итоговый документ, направленный министру народного просвещения 6 апреля 1859 г.

К сожалению, вскоре после этого работа по подготовке нового университетского устава временно приостановилась и была возобновлена только в декабре 1861 г. Тогда по приказу уже нового министра народного просвещения А. В. Головина при министерстве была сформирована "особая комиссия", получившая в литературе название "комиссия фон Брадке" (по имени ее председателя — бывшего попечителя Дерптского учебного округа Е. Ф. фон Брадке)¹⁴.

Комиссия начала свою деятельность с того, что тщательно проанализировала все переданные в ее распоряжение документы прошлых лет, включая, разумеется, и проект дополнений, сделанный Московским университетом в отношении медицинского факультета. Члены комиссии работали очень интенсивно. Достаточно сказать, что в январе 1862 г. они провели 17 заседаний и уже в конце месяца представили министру первую редакцию проекта нового общего устава императорских российских университетов. А. В. Головин остался доволен, тем более что комиссия фон Брадке продемонстрировала чудеса не только работоспособности, но и конформизма.

По свидетельству одного из членов этой комиссии профес-

сора Петербургского университета А. В. Никитенко перед началом первого же заседания они получили прямое указание руководителей Министерства народного просвещения "быть не слишком щедрыми на новые кафедры... в каждом университете к ныне существующим кафедрам (в случае особой необходимости) прибавить по одной...", так как правительство всего может дать на университеты только 500 000 рублей¹⁵. Понимал ли министр, что, начиная общероссийскую реформу университетского образования с таким настроением, а главное, располагая такими средствами, он обрекал ее на полный провал. Думается, что понимал. Но ни у него, ни у других членов Кабинета министров на тот момент не было другого выбора. Непрекращавшиеся студенческие волнения требовали незамедлительной замены устава 1835 г., а сложнейшая экономическая ситуация в стране не позволяла выделить достаточных для проведения полноценной реформы средств. Иными словами, перед комиссией фон Брадке была поставлена задача "забыть" о всех преобразованиях, происшедших в российских университетах в период с 1835 по 1861 г., "забыть" о проектах, подготовленных в 1859 г., и, "отредактировав" действовавший университетский устав 1835 г., привести его в соответствие со сложившейся в государстве внутриполитической ситуацией. Члены комиссии именно так и поступили, идя, по признанию А. В. Никитенко, шаг за шагом по параграфам устава 1835 г., практически ничего не меняя.

Анализируя подготовленный комиссией фон Брадке проект нового устава с точки зрения проблем университетского медицинского образования, необходимо отметить, что этот проект создавал реальную угрозу дальнейшему развитию отечественной высшей медицинской школы. Он полностью перечеркивал все, что было сделано в ходе реформы 40-х годов, и обязывал университеты вернуться к абсолютно устаревшему учебному плану второй половины 30-х годов XIX века. Напомним, что этот учебный план подвергался жесточайшей критике со стороны университетской профессуры не только в начале 40-х годов, когда обсуждались пути реформирования отечественного высшего медицинского образования, но и в 30-е годы, когда он только был внедрен¹⁶.

От разработанной и успешно внедренной в учебный процесс московскими профессорами идеи этапности клинического преподавания в подготовленном комиссией фон Брадке проекте не осталось и следа. Из созданных в период реформ 40-х годов кафедр удалось "уцелеть" в жерновах комиссии фон Брадке только кафедре патологической анатомии и патологической физиологии, получившей в проекте несколько иное название — "Патология: а) общая патология; б) патологическая анатомия". Переименования существовавших курсов и кафедр вообще стали визитной карточкой работы комиссии, которая фактически предложила лишь одно более или менее существенное нововведение: организовать самостоятельную кафедру и клинику для преподавания курса глазных болезней (см. таблицу).

Был ли выбор у комиссии фон Брадке? Однозначно ответить на этот вопрос сложно. В состав комиссии входили в основном попечители и помощники попечителей учебных округов — государственные чиновники, по должности вынужденные подчиняться приказам министра, пусть даже негласным. Однако, как покажут дальнейшие события, у членов комиссии были возможности проявить принципиальность и объяснить начальству ошибочность избранной им позиции. Но никто этого делать не стал, очевидно, не предполагая, что подготовленный комиссией более чем конъюнктурный документ станет предметом широчайшего публичного обсуждения и заслуженно получит низкую оценку.

Поступила 24.09.02

¹³ Бетюцкая А. В. Н. А. Тольский. — М., 1953. — С. 40—47.

¹⁴ В состав комиссии входили: попечители учебных округов: С.-Петербургского — Филипсон, Киевского — Николай, Казанского — Вяземский, Московского — Исаков, помощник попечителя Харьковского учебного округа — Фойрг, ректор Университета св. Владимира — Бунге, профессора: С.-Петербургского университета — Ленц и Никитенко, Московского — Соловьев и Бабст, Харьковского — Пахман, Казанского — Овсянников, Дерптского — фон Этинген.

¹⁵ Никитенко А. В. Дневник. — М., 1955. — Т. 2. — С. 247.

¹⁶ Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е. Замыслы разработчиков устава 1835 г. и реалии учебного плана медицинского факультета Московского университета в 1837—1845 гг. // Пробл. соц. гиг., здравоохран. и истории мед. — 2001. — № 4. — С. 48—51.